

Институт славяноведения
Российской академии наук

Исследования
по славянской диалектологии

25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакколлегия:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. — 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists — specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>о-</i> и <i>и-</i> основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах.....	5
<i>Сладжана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>С. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>А. В. Мальшева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>М. Н. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>Т. В. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>А. Б. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в севернорусских говорах	326
<i>Д. Н. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

*И. А. Букринская,
О. Е. Кармакова
(Москва)*

Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие

Статья посвящена истории изучения псковско-витебского пограничья, в ней сопоставляются исследования Е. Ф. Карского, Н. Н. Соколова, П. А. Бузука, Н. И. Зорина с данными современных экспедиций, а также сравниваются различные классификации русских диалектов. Авторы подробно описывают говоры Невельского района Псковской обл., опираясь на собственные материалы, собранные в полевых условиях в 2006 г. В работе делается вывод о том, что рассматриваемые говоры исторически восходят к псковским: в них сохраняются реликты системных архаизмов, а также лексика, связанная с Северо-западной и Северной диалектными зонами. В процессе развития они вобрали в себя черты окружающих идиомов, в результате именно сочетание признаков разных диалектных образований и составило их специфику.

Ключевые слова: русско-белорусское пограничье, лексические изоглоссы, диалектное членение, системные архаизмы, псковские говоры.

Пограничные территории всегда были объектом пристального внимания специалистов в разных областях знаний: историков, социологов, этнологов и, безусловно, лингвистов. Подобные зоны испытывают в процессе исторического развития различного рода изменения, народы, их населяющие, взаимодействуют, перенимая друг у друга элементы материальной, духовной культуры и языка, тем более когда эти народы близкородственны.

Диалекты русско-белорусского пограничья привлекали и до сих пор привлекают внимание языковедов, которые отмечают континуальный характер этого лингвистического пространства, т. е. отсутствие резкого перехода от одной языковой системы к другой, в отличие от иных пограничных территорий. Изучая названные идиомы, лингвисты в первую очередь старались определить их принадлежность к русскому или белорусскому языку, при этом всякий раз обращалось внимание на сложную историческую судьбу региона.

В 1903 г. Е. Ф. Карский опубликовал карту «Расселение белорусского племени и белорусского языка», на которой северная граница белорусского языка проходит по южным частям Опочецкого, Великолуцкого и Торопецкого уездов, включая территории Невельского и Себежского уездов (при составлении карты во внимание принимались твердость / мягкость *р* и типы аканья). Но позже автор, придававший ключевое значение фактическому материалу, писал, что эта граница имеет условный характер: «Говоры юга Псковской губ. и тип населения при беглом личном знакомстве произвели на меня впечатление великоруссов. Дзеканье в некоторых местах действительно наблюдается, но из того только считать речь белорусской я не решаюсь, так как свистящее произношение мягких *д* и *т* кое-где можно встречать и в др. местах Великоруссии» [Карский 1908: 279].

Н. Н. Соколов, побывавший в экспедициях в Псковской губ. в 1911 г., писал о том, что говоры южной части Опочецкого, Великолуцкого, Торопецкого уездов не относятся к белорусским, сохраняют облик переходных на северновеликорусской основе, не имеют дополнительных белорусских черт в сравнении с северными частями этих уездов, а проезжая по Невельскому и Себежскому уездам, отмечал: «На основании тех отдельных случаев, когда мне приходилось встречать при проезде по югу Псковской губ. жителей пограничных местностей Себежского и Невельского уезда, я сказал бы, что псковский говор продолжается несколько и за границей Псковской губ.» [Соколов 1919: 11].

На Диалектологической карте русского языка в Европе (1914 г.) Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколова (позже, в 1927 г., уточнена Н. Н. Дурново) рассматриваемые говоры входят в состав переходных к белорусским на северновеликорусской основе (Псковская группа).

В 1926 г. достаточно остро встал вопрос об уточнении административной границы Белоруссии, при этом в первую очередь принимался во внимание язык населения пограничных территорий и их этнографический состав. Изучить говоры Невельского и Велижского уездов в качестве представителя белорусской стороны был послан известный славист П. А. Бузук, который в 1926 г. по итогам экспедиции опубликовал работу «Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў» [Бузук 1926]. С его точки зрения говоры названных территорий были белорусскими.

В связи с этой же проблемой и результатами исследования П. А. Бузука преподаватель Невельского педучилища Н. И. Зорин предпринял

свое обследование говоров пограничья. В 1927 г. появилась статья, в которой он доказывает, что «по [своему] этнографическому составу населения и по языку населения Невельский уезд следует отнести к южновеликорусским и что язык населения в основе своей южновеликорусский со значительным наслоением белорусизмов» [Зорин 1927: 36]. В конце 20-х годов началась дискуссия Н. И. Зорина с представителями Института белорусской культуры по вопросу об этнографическом составе населения Невельского уезда, при этом белорусская сторона резко выступила против точки зрения Зорина, обвинив его в великодержавном шовинизме¹.

В 50-е годы территория пограничья обследовалась во время сбора материалов для Дialeктологического атласа русского языка [ДАРЯ], в дальнейшем лингвистический ландшафт пограничья получил отражение на картах.

В 2003–2006 гг. полевые исследования говоров Городокского района Витебской обл. и Невельского района Псковской обл. были проведены сотрудниками ИРЯ РАН И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой, А. В. Тер-Аванесовой, в результате появилось развернутое описание этого лингвистического пространства [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008; 2017; Букринская, Кармакова 2020]². В это же время территорию пограничья экспедиционно обследовали и изучали этнологи, рассматривая вопрос об идентичности и культурной специфике данного региона [Белорусско-русское пограничье 2005].

Остановимся подробнее на сопоставлении материалов, собранных П. А. Бузуком, Н. И. Зориным и экспедицией ИРЯ РАН спустя 80 лет.

---

¹ «В 1927 году Зорин принял участие в работе 1-го Псковского губернского краеведческого съезда с докладом “Об этнографическом составе населения Невельского уезда”, написал также статью — “Говор и народное творчество населения Невельского уезда”. Работа не была полностью завершена — 2 июня 1930 года Зорин был арестован и выслан из Невеля» <https://nevelikc.ru/nevelskij-kraj/pamyat-nashe-bogatstvo/vse-dorogi-vedut-v-nevel/> (дата обращения: 15.11.2024).

² В статьях указано, что говоры Невельского района вместе с говорами соседних районов на территории Белоруссии по многим диалектным особенностям составляют единый идиом, который отличается как от соседних русских говоров, так и от соседних белорусских.

Таблица 1

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
Фонетические явления		
1. Диссимилятивное аканье ⁴ : <i>нагу, каго, бальшей, сыбака, быльшак</i>	Диссимилятивное аканье и сильное аканье: <i>трыва, выда, галава, вада</i>	Диссимилятивное аканье: <i>скъза́ла, бѣтва́, барну́ет</i> и сильное аканье: <i>лаза́, парэ́злы нажа́м, учара́, стая́нки</i> ⁵
2. Диссимилятивное яканье (белор. типа) и иканье: <i>лясы, у сястри, бяри, ў лісах, сістра, біраги, іна</i>	Сильное яканье: <i>ряка, вясна, сястра</i>	Диссимилятивное яканье белор. (жиздринского) типа: <i>с"истра́, с"астры́, с"астро́й, с"ястрэ́, с"ало́, ряко́й</i> ; единичные отступления в сторону сильного яканья: <i>с"астра́, налява́й, яна́, тяуа́ть</i>
3. Отдельные примеры второго полногласия: <i>біс накоремкі, на вярэх</i>		Единично фиксируется <i>вярэх</i>
4. Замена безударного у на ы: <i>воздых, пазыха, вырычка, замыш</i>		Утрата лабиализации у в безударных слогах в отдельных словах: <i>ко́жых, во́дых</i>
5. Как и в других северо-восточных блр. диалектах, в невельском прилагат., поряд. числит., мест. заканчиваются на -ый, -ий и -эй, -ей: <i>мылады́й, васьмы́й, мыладэ́й, бальшы́й</i>	В прилагат., мест. и числит. в И., В. пп. ед. ч. м. р. окончание -эй (-ей), -ий: <i>сляпэ́й, кривэ́й, таке́й, большы́й</i> , реже -ый: <i>злы́й, дурны́й</i> . В ж. р. в Р. и Д. пп. -эй, -ей: <i>однэ́й, другэ́й</i>	Судьба напряженных редуцированных перед <i>j</i> : в прилагат., порядк. числит., мест. в И./В. пп. ед. ч. м. р. окончания -эй, -ей, -ый, -ий: <i>втарэ́й, втары́й, бальшы́й, бальшы́й, плахы́й, плахе́й, таке́й, такий́, друу́ей, друу́й, каке́й, мьладэ́й</i> .. Формы на -эй преобладают у людей старшего поколения (20–30-х гг. рождения)

³ Материал собран в дд. Усть-Долыссы, Лобок и Шеляково.⁴ В работах П. А. Бузука и Н. И. Зорина ударение в примерах не проставлено.⁵ Примеры даются в упрощенной транскрипции.

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
6. Сохранение <i>ы</i> перед <i>ј</i> и йотированным гласным в глаголах: <i>мый, моеца, крыюць</i>	В повелит. накл.: <i>мый, крый, ший</i> , более редко: <i>мой, крой, шей</i>	Судьба напряженных редуцированных перед <i>ј</i> в глагольных формах, [ы] в корне: <i>пярэмью, памыешь, пярэмыешь, крью, накрэыешь</i>
7. В большей части северных и восточных белор. диалектов и в Невельском уезде <i>р</i> мягкое: <i>гыварю, чацьверег, трэх, к сястры, на гаре</i>	<i>Р</i> твердое крайне редко (на месте <i>р'</i>)	Зафиксирован только [р']: <i>вичиря́ть, урибы́, ри́ча, примáк, тиряби́ть</i>
8. Замена <i>л</i> на <i>ў</i> в таких словах, как <i>воўк, поўны</i> , а также в формах гл. прош. вр. м. р.: <i>шукаў, быў, даў, схываўся</i>	На месте <i>л</i> — <i>в</i> : <i>вовк, довго, быв, пришов</i>	В формах прош. вр. глаголов м. р. на месте <i>л</i> произносится <i>ў/w</i> : <i>прішоў, паслаў, забраў, дэўся</i> . Не в глг. формах единично, возможно, лексикализовано: <i>во́нна</i> 'шерсть' (устар.)
9. Широко распространено дзеканье, цеканье — северная граница заходит далеко в Псковскую губ.: <i>джареўня, бандзіты, Дзьвины</i>	Дзеканье, цеканье: <i>тсьё́тя, дзя́дя</i>	На месте [д'] и [т'] представлены аффрицированные звуки: [дʰʲ], [тʰʲ]: <i>дʰэ́вэчка, дʰа́рэўня, утʰа́клі</i>
10. После гласных начальное <i>у</i> произносится как <i>ў</i> : <i>я ўкажу, ў горадзі</i>		[в] является сонантом, соответственно перед последующим согласным и на конце слова произносится [ў], наряду с [ф]: <i>дяреўня, вярэўка, роў, часоў, каро́ф, хлёў, хлеф</i> ; в начале слова — [у]: <i>уручу́ю, утарэ́й, урэ́мя, удвайо́м</i> На месте предлога <i>в</i> произносится [у] не после гласного: <i>у лясу́, у тюрму́, у Ри́ги</i> (в Риге) и [у] или [ў] после гласного: <i>а ў да́нны́х урэ́мя</i>
		На месте <i>ф</i> отмечается произношение [хв], [х]: <i>ко́хта, хворс, хварси́т, Хвидо́сья, Трахи́м</i>

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
11. На месте *dj в невелинских говорах звук ж, а не аффриката дж: <i>хожу, сажу, урожай</i>	В 1 л. ед. ч. таких гл., как <i>видеть, глядеть, ходить</i> : <i>вижу, гляжу, хожу</i> , нет белор. форм с дж	Не зафиксировано дж на месте *dj: <i>уляжу, хажу, вижу</i>
12. Шипящие не всегда твердые, перед гласными переднего ряда могут произноситься как полумягкие: <i>чиста, вечераць, женичина, жерябцы, живі, большей</i>	ч твердое и мягкое	Зафиксирован [ч] и [ч'], у старшего поколения преобладает [ч]: <i>час, нóчы, чым, чем; [ж], [ш]</i> всегда твердые
13. В сочетаниях согласных с j перед следующим ударным произносится мягкий долгий согласный: <i>жицьцё, каменні</i>		Произношение мягких долгих согласных в соответствии с сочетаниями согласных с -j: <i>куття, свиння, плáття</i>
14. d перед n часто заменяется на n: <i>хóланно, сягонья, анна, лánна</i>	На месте <i>дн</i> — <i>нн</i> : <i>ранной</i> ; на месте <i>бм</i> — <i>мм</i> : <i>омман</i>	Ассимиляция фиксируется единично: на месте <i>дн</i> — <i>нн</i> : <i>лánна</i>
15. В местоимениях, соответствующих литер. <i>эты</i> , на месте <i>г</i> произносится j: <i>етый, ета</i>		В указательных местоимениях в начале слова произносится j: <i>jэтам, jэтага</i>
16. Два примера протетического i перед согласным: <i>іржа, ірвала</i>		Протетический гласный: <i>иржаной</i>
17. Цоканье в единичных примерах (в Велижском уезде): <i>царноха</i> ‘черная корова’, <i>пецка</i> ‘печка’	Цо канье / чо канье встретилось в 3–4 словах	Мягкое цоканье отмечено единично у информантов старшего поколения: <i>ц’иравэк, фсяц’ина</i> , а также в поговорке: <i>пскавиц’яне те жэ анулиц’яне, толька нарэц’я друго</i>
18. «Шепелявость» (в Велижском уезде): <i>шягонья</i> ‘сегодня’, <i>Вічепишк</i> ‘Витебск’	Шепелявость на месте с мягкого в некоторых словах: <i>шклянка, шабля, шерый, шаша</i> (шоссе), <i>шкребется</i>	На месте мягких свистящих [с'] и [з'] произносятся альвеоло-палатальные (шепелявые) звуки [с"]: <i>с’ястра, с’юдэ, с’икляхи, с’или́тьба</i> ; непоследовательно [з"]: <i>з’има, з’арно</i>

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
Грамматические явления		
1. Отсутствие старого смягчения задненёбных перед «и», «е» (ѣ), свойственных белорусскому языку: <i>рука – руцэ, нага – нагэ, бляха – блысэ</i>	Нет чередования со свистящими: <i>рука – руце, нога – нозе, стреха – стресе</i>	Нет чередования со свистящими: <i>рукэ, нагэ, бляхэ</i>
2. В словах ж. р. ед. ч. смешение Р. п. с Д. и М. пп.: Р. п. <i>принясі вадзе, быў у куме</i> ; М. п. <i>ляжыць на вадзі, быў на вайны</i> ; Д. п. <i>пайцы к удавы, сяжы ў хаты</i>	У сущ. ж. р. ед. ч. в Р. п.: <i>от ряке, 2 пуда мукі</i> ; в Д. п.: <i>иду к сестры, к избы</i> ; в П. п.: <i>на горы, на стороны, в дярэвни</i>	«Обратное распределение» у сущ. ж. р. а-склонения в ед. ч. — в Р. п. окончание <i>-е</i> : <i>удоль саснэ, из мукэ, у ма́ме, две хате́</i> , в Д. и П. пп. окончание <i>-ы</i> : <i>к с"ястры́, на вадзі́, а с"ястры́, у залы́, у ўлавы́, на вадзі́</i>
3. Замена старой формы Т. п. мн. ч. формой Д. п.: <i>з рука́м, з ныга́м, з азу́ра́м, над нам, з братам</i>	Самой устойчивой и повсеместно распространенной формой у сущ. является форма Т. п. и Д. п. мн. ч. на <i>-ам</i> : <i>с рука́м, с нога́м</i>	Широко представлена общая форма Д. и Т. пп. во мн. ч. сущ.: <i>парэ́зали на́жам, з не́мца́м, ка́сiць кьса́м, хо́дють с сва́йм винто́вкам да с прута́м</i>
4. И. п. сущ. мн. ч. м. р. имеет окончание <i>-ы</i> : <i>лясы, гырады, браты, глазы</i>	И. п. сущ. мн. ч. на <i>-ы</i> : <i>гарады, ўлазы, браты, дровы</i>	И. п. сущ. мн. ч. м. р. с окончанием <i>-ы</i> : <i>браты́, гарады́, ўла́зы, да́мы, дамы́, зубы́, ро́уи</i> и др.
5. Формы сущ. И. п. мн. ч. ср. р. на <i>-ы</i> : <i>вазе́ры, ка́лэсы, ка́меньні, я́блыкi</i> (правда, тут <i>-ы</i> могло возникнуть фонетически)		Формы сущ. И. п. ср. р. на <i>-ы</i> : <i>ве́дры, о́кны</i>
6. При словах <i>два, три четыре</i> существительные употребляются в формах, свойственных мн. ч. м. р.: <i>три браты, два сыны</i> . Формы ж. р. <i>дзьве хаці, дзьве карові</i> можно объяснить смешением форм Р. и Д. пп.		В счетных формах: <i>два браты́, две хаты́, три ба́би</i>

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
7. Заслуживают внимания формы М. п. сущ. м. и ср. р. с окончанием -у: <i>у глухим лясу, в прошлом году, в тым концу</i>		Формы на -у в М. п. сущ. м. р.: <i>у лясу́, у дамѹ́, на каню́, на каницѹ́</i>
8. Ударение на окончании в формах В. п. ед. ч. ж. р.: <i>гылаву́, зямлю́, нагу́, ваду́</i> и на 2-м слоге в словах: <i>нічога, нікога</i>		Ударное окончание у сущ. ж. р. в В. п.: <i>у́лавѹ́, зямлю́, ряку́, нѹ́ уару́, пѹ́д з’имѹ́</i> . Наосновное ударение в Р. п. местоимений: <i>чо́уа, ко́уа, то́уа, ничо́уа, нико́уа</i>
9. Формы местоимений: <i>ён, іна, яна, яно, яны</i> , Р. п. <i>яго, яе, Д. п. яму, ей, ім, М. мн.: яны, их; Р. п. мяне; от той мн. ч. тые</i>	Формы мест.: <i>ён, яна, іна, яно, явоный, яуоный, ейный</i>	Большая вариативность форм мест.: <i>он, ён, іна́, ана́, яна́, Р. п. яро́, еро́, у ей, еѐ, В. п. яе́, на яе́; мн. ч. аны́, ины́, ані́, яны́; Р. п. мяне́, у мине́</i>
10. Глаголы в 3 л. ед. ч. имеют окончание -ць: <i>нясець, сядзіць</i> . В 3 л. мн. ч. в безударном положении окончание -юць, -уць: <i>носюць, гаворуць</i>		Глаголы в 3 л. ед. ч. и мн. ч. оканчиваются на [т’]: <i>иде́ть, уари́ть, спя́ть, жду́ть</i> . Совпадение в [ут] безударных окончаний 3 л. мн. ч. гл. I и II спряжения: <i>ду́маю́ть, праю́ню́ть, во́дю́ть, хо́дю́ть</i>
11. Неразличение предлогов с и из, совпадение в з (перед глухими — с)		Подобное явление также было отмечено: <i>с то́уа бало́та, з бало́та вы́тарну́лся</i>
12. Деепричастия в функции сказуемого: <i>ён узяўши, яна ўшотши</i>		Деепричастия в функции сказуемого: <i>так не было́ заробі́ши, была́ научы́вши вяза́ть</i>
13. Употребление формы <i>пришли ў двух</i> в значении ‘двое, вдвоём’		Отмечены формы: <i>у дво́х, у трёх адну́ нескладу́ху пако́ть</i> в значении ‘вдвоём’, ‘втроём’
14. Вопросительная частица <i>ци</i>	Вопросительная частица <i>ти</i>	Вопросительная частица <i>ти</i> : <i>Ти е́сть права́? Ти укѹ́ситъ он миня́, ти нет</i>

В работе П. А. Бузука было отмечено более 30 диалектных признаков, через 80 лет мы зафиксировали те же самые явления в говорах пограничья. Надо заметить, что исследователь не приводит некоторые черты, присущие как изучаемому идиому, так и белорусскому литературному языку, но для характеристики рассматриваемых говоров они важны, так как с позиций русского литературного языка являются диалектными, например:

1) в описываемых говорах на карте [ДАРЯ I, карта 44] и в материалах наших экспедиций отмечен фриктивный γ (это диагностическая черта, которая отличает южнорусское наречие от среднерусских говоров);

2) произношение долгих твердых шипящих *шч/шиш* (*ешчó, воёнишына, рашишына* 'закваска', *вёшышы*) на месте долгих мягких шипящих — явление, свойственное большинству периферийных русских говоров, что отчетливо видно на картах [ДАРЯ I, карты 48, 49];

3) двусложные указательные местоимения *тáя, тóе, т́е* — ареал охватывает всю Западную диалектную зону русских говоров [ДАРЯ II, карты 70, 71];

4) форма В. п. личного местоимения 3 л. ж. р. *я́е* распространена в южном и северном наречиях, а также в среднерусских говорах [ДАРЯ II, карта 67];

5) зафиксированы интересные формы глаголов 1 л. мн. ч.: *улядём, сядём* (*улядём ад́ін на уднаво́*, при сосуществовании с *уляди́м, сяди́м*).

Такие формы образуют небольшой ареал в говорах, сопредельных с невельскими, в Городокском р-не Витебской обл., а также незначительный ареал на крайнем северо-западе Белоруссии. В [ДАБМ, карта 168] они трактуются как формы 1 л. мн. ч. повелительного наклонения глаголов 2 спряжения.

При этом явления, свойственные литературному белорусскому языку и не отмеченные в этих говорах, П. А. Бузук указывает. К ним относится отсутствие *р* твердого (на месте [р']), *дж* в глагольных формах (*хожѹ́, сижѹ́* на месте белор. *хаджѹ́, сяджѹ́*), чередования задненебных согласных со свистящими в склонении сущ. ж. р.: *рука* – *руце* и под.

Итак, мы видим, что ученый в оценке пограничных говоров исходил из сравнения их с белорусским и русским литературными языками, а не говорами этих языков. С такой же позиции оценивает рассматриваемые идиомы польский лингвист М. Янковяк, который проводил полевые исследования Невельского и Себежского районов в 2014 г. [Янковяк 2015]. Он полагает, что признаки, характерные для белорусского языка или для

его северо-восточного диалекта, проявляются на фонетическом и морфологическом уровнях (при высокой степени вариативности в речи информантов) — хотя и заключает, что «в говорах Невельского и Себежского районов преобладают черты, свойственные русскому языку, особенно в лексике» [Там же: 226]. Но нельзя забывать, что практически все явления, отмеченные в невеликом и в северо-восточных белорусских говорах, характеризуют не только пограничье, но и русские говоры Западной и Юго-западной диалектных зон, а некоторые распространены гораздо шире: на север и северо-восток.

Приведем несколько типичных примеров: диссимилятивное аканье и яканье жиздринского (белорусского) типа охватывает целиком Юго-западную зону русских говоров [ДАРЯ I, карты 2, 8]; мягкие долгие согласные в соответствии с сочетаниями согласных с *-j* (*свиння*, *плáття*, *печэ́ння*) преимущественно распространены в Западной диалектной зоне, а также в других периферийных русских говорах, отсутствуя в говорах центра и юго-востока [ДАРЯ I, карта 74].

Окончание *-ы/и* в И. п. мн. ч. у существительных м. р. *домы́*, *сыны́*, *луги́*, *гла́зы* и др. фиксируется также в Западной диалектной зоне, а некоторые формы — в северных говорах [ДАРЯ II, карты 24, 25]. Синкретизм Д. и Т. пп. у существительных мн. ч. — *рукам тяжа́ть*, *коси́ть коса́м*, *маши́нам добира́лись* — распространен в Северо-западной и Северной диалектных зонах [ДАРЯ II, карта 41].

Невеликие говоры, в соответствии с диалектным членением Захаровой — Орловой, которое было разработано на основе материалов региональных атласов и ДАРЯ, относятся к западной группе южного наречия [Захарова, Орлова 1964; 1970]. Авторы опирались, как правило, на анализ и сопоставление фонетических и морфологических изоглосс, при этом лексические признаки в качестве основных рассматривались редко.

В 90-е гг. по материалам ДАРЯ Н. Н. Пшеничнова создала структурно-типологическую классификацию, где учитывались все признаки, отраженные в атласе, и все они были одинаково релевантны [Пшеничнова 1996]. Следует также обратить внимание на то, что в этой работе говоры рассматриваются вне территории, т. е. на каждом уровне деления определяется принадлежность говора к какой-либо классификационной единице по сходствам и различиям учитывающихся признаков. И только после такого разбиения его результаты были спроецированы на карту. Типологическая классификация, демонстрируя континуальность русского диалектного ландшафта, подробно показывает переходные и разнородные

типы говоров. Принципиально новым по сравнению с предшествующими классификациями стало выделение на первом уровне разбиения Западнорусского диалектного типа наряду с Севернорусским, Южнорусским диалектными типами и Среднерусскими говорами (переходными между Севернорусским и Южнорусским д. т.) [ДАРЯ III, карта III].

Особый диахронический подход демонстрируют работы С. Л. Николаева. Он предлагает свой взгляд на членение восточнославянского континуума: «...мы считаем себя вправе несколько видоизменить признанную в русской и белорусской диалектологии картину членения говоров, выдвигая на первый план родство диалектов по признаку наличия в них системных архаизмов древнейшего периода» [Николаев 1988: 116].

Специфика этих говоров сохраняется до сих пор. Так, в невельских идиомах у носителей старшего поколения единично отмечены архаические черты, связывающие их с Северо-западной диалектной зоной, в первую очередь с южнопсковскими говорами. Как уже говорилось, там зафиксированы лексикализованные следы второго полногласия — *вярэх*, *корóm*. Изоглосса этого явления характеризует русскую Северо-западную диалектную зону, что показано в [ДАРЯ I, карты 91, 92]. В невельских идиомах также единично встретились глагольные формы *повéхай*, *повéхаю*, *повéхали*, *вывéховать*, где $x < *sj$. Все примеры, отражающие рефлекс праславянских $*sj$, $*zj$ в псковских говорах, подробно рассмотрены в работах [Глускина 1962; 1979; Николаев 1988]. С южнопсковским ареалом связано, по Николаеву, накоренное ударение в формах глагола $*brati$ (*брати*), у нескольких информантов отмечены формы *сбéруцца* (соберутся) и *забéруцца* (заберутся).

Еще одна важная диагностическая черта, различающая восточнославянские идиомы, — особая судьба напряженных редуцированных перед j . С. Л. Николаевым выделены две позиции: 1) перед праславянским редуцированным следующего слога — это окончание $*<uj>$, $*<ij>$ прилагательных мужского рода и 2) в прочих условиях — например, в презенсе у глаголов *мою*, *крою*, *рою*; на восточнославянской территории ученый выделяет несколько систем соотношения рефлексов редуцированных: «общерусская» с o в обеих позициях: *молодóй*, *крóю*; «западная» (*молодýй* : *крыю*), свойственная большей части украинских и белорусских говоров, а также их литературным языкам. А в невельских говорах распространена иная система, условно названная «смоленской» (*молодэй* : *крыю*) [Николаев 1988: 118–120], которая охватывает достаточно обширную территорию — восточные белорусские говоры и рус-

ские Юго-западной диалектной зоны, включая часть южнопсковских и новоржевских.

В рассматриваемых говорах у существительных женского рода *a*-склонения (1 скл.) представлено так называемое «обратное распределение» (см. Таблицу 1): в Р. п. окончание *-е*, в Д., П. пп. — окончание *-и* (*-ы*). В данном случае мы видим систему с различением Р. и Д., П. падежей в отличие от других северо-западных говоров, в которых представлены синкретические системы. Как известно из материалов ДАРЯ и данных экспедиций, системы с обратным распределением характеризуют русские южнопсковские говоры. Всё многообразие систем с синкретизмом и обратным распределением окончаний в восточнославянских говорах было исследовано в работах [Тер-Аванесова 1998; 2002]; см. также [Абраменко и др. 2013]. Истории изменения падежного синкретизма в новгородских говорах, а именно вытеснению к началу XVIII в. форм на *-ѣ* формами на *-ы/-и*, посвящена работа [Галинская 2021]. В говорах пограничья отмечены следы акцентной парадигмы *d* у сущ. м. р.: *пад бакѡм, насѡм, цвятѡм, карнѣм, бис карнѣ, па сняуу, пирядѡм, пѣт палѡм, нет абазу* (обоз). Подробно об особенностях этой парадигмы см. [Николаев 1989]⁶.

Те же самые архаические явления в невелиских говорах были зафиксированы А. И. Рыко в экспедиции 2016 г. и подробно описаны в статьях [Рыко 2017; 2018], где приведены примеры второго полногласия, случаи «обратного распределения» и синкретизма падежных форм существительных ж. р. и др.

Таким образом, в исследуемом идиоме сохранились архаические черты, связывающие его с южнопсковскими говорами, которые, по мнению ряда ученых, восходят к племенному диалекту кривичей. Кривичи, судя по трудам археологов, занимали достаточно обширные территории. В связи с этим С. Л. Николаев считает, что их диалект был неоднородным, и выделяет несколько его разновидностей. Идиом, который мы рассматриваем, по наличию следов архаических явлений связан с южнопсковскими говорами, но в силу своего исторического и географического положения усвоил черты различных диалектных объединений; особенно наглядно это видно на материале лексики.

---

⁶ Весь материал по акцентуации сущ. м. р. в описываемых говорах приведен в Приложении, подготовленном А. В. Тер-Аванесовой к статье [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008].

Н. В. Большакова, исследователь псковских говоров и автор большого числа работ по псковско-белорусскому пограничью, предложила проект словаря этой территории, который «позволит связать лексико-семантические системы, имеющие историческую общность» [Большакова 2017а: 2; 2017б]⁷.

Обратимся к анализу лексических изоглосс. Невельские говоры характеризуются несколькими пучками изоглосс, которые были выделены нами в процессе анализа лексического своеобразия изучаемого ландшафта; эти пучки объединяют рассматриваемый идиом с разными единицами диалектного членения. Лексика традиционной крестьянской культуры, собранная в 2006 г., показывала достаточно высокую степень сохранности. Об этом же свидетельствуют материалы и более поздних экспедиций. Так, небольшой социолингвистический анализ был проведен под руководством Р. В. Ронько студентами НИУ «Высшая школа экономики». Материалом для него послужила как раз традиционная лексика, собранная в Западнодвинском районе Тверской области. Обследованный говор относится к Псковской группе и обладает чертами южнопсковских говоров. Анализ подтвердил, что «процесс утраты происходит медленно, большая часть лексем сохраняется в говоре, хотя и на разных стадиях витальности» [Ронько и др. 2024: 40]. В дальнейшем изложении при выделении пучков изоглосс мы будем ссылаться и на материалы этой экспедиции.

В 1-й пучок входят изоглоссы, связывающие невельские, псковские, смоленские, новгородские говоры с Северной диалектной зоной.

Наличие суф. **-иц(а)** в названиях ягод: *брусни́ца*, *черни́ца*, *земляни́ца* при сосуществовании с суф. **-ик(а)** — *брусника*, *черника*, *земляника* [ДАРЯ 3, карта 86];

жураві́на ‘клюква’ [ЛЯРНГ, карта 119, 120];

о́зимь ‘всходы озимых культур’ [ДАРЯ III, 1, карта 47];

ора́ть ‘возделывать землю’ [ДАРЯ III, 1, карта 45], отмечено единично у людей старшего поколения (в пассивном запасе);

пахáть ‘мести пол’ (в пассивном запасе), ‘возделывать какую-либо культуру’ [ДАРЯ III, 2, карта 100; ДАБМ, карта 265], изоглоссы лексем

⁷ К настоящему времени труд подготовлен, но не опубликован: «Перекрёстки и росстани»: вербальные взаимосвязи в русско-белорусском порубежье. Словарь / ред. Н. В. Большакова; сост. Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко, М. И. Муратова. Псковский государственный университет. 500 с. [Большакова 2017б].

орать, пахать, а также изоглоссы форм с «ягодным» суф. **-иц(а/ы)** продолжают на территории Белоруссии;

пáлец ‘ручка на косовище’ [ДАРЯ III, 1, карта 44; ДАБМ, карта 260];

вэ́рес ‘можжевельник’, наряду с номинацией *можжевельник* [ЛАРНГ, карта 67];

зúба, зúбы, зúбина и др. с этим же корнем ‘грибной нарост на стволе дерева’ [ЛАРНГ, карта 45];

хорóмы, хорóминка ‘большой хороший дом’ [ДАРЯ III, 1, карта 3], не распространяется на юг в смоленские и др. говоры.

Есть еще одна изоглосса, связывающая невеликие говоры с говорами северного наречия и демонстрирующая морфологическое явление: изоглосса омонимии Д. и Т. пп. мн. ч. сущ. 1 и 2 склонения: *к рука́м, к домáм, с рука́м, с домáм* [ДАРЯ II, карта 41].

2-й пучок — общезападный. Он объединяет псковские, новгородские, смоленские, брянские и курские говоры, некоторые из этих изоглосс уходят в Белоруссию. Пучок включает следующие изоглоссы:

ба́бка ‘малая укладка снопов’ [ДАРЯ III, 1, карта 50; ДАБМ, карта 286], ареал имеет более широкое распространение, захватывая северные говоры, другие изоглоссы этого пучка так далеко на север не распространяются;

корóмисел м. р. ‘кормысло’, более архаичная форма [ДАБМ, карта 249; Трубачев 2002: 20–21, карта];

нй́ва ‘поле’ [ДАРЯ III, 2, карта 82], небольшие ареалы есть и в северных говорах;

пýня ‘сарай для хозяйственного инвентаря или сена’ [ДАРЯ III, 1, карта 18; ДАБМ, карта 236];

мост ‘пол’ [ДАРЯ III, 1, карта 11], в современных говорах утратило указанное значение;

п्रा́йник, пра́льник, пра́ник ‘палка для выколачивания белья при стирке’ [ДАРЯ III, 1, карта 29]. Различные номинации от глагола **prati* являются общезападными, но для невеликих говоров характерно наименование *п्रा́йник*;

толока́ ‘коллективная помощь в работе’ [ДАРЯ III, 1, карта 55; ДАБМ, карта 315];

дед, дедóвник ‘репейник’ [ЛАРНГ, карта 146, 147].

К этому пучку мы отнесли и лексемы, которые были записаны в экспедиции и подтверждены материалами словарей, но не вошли в Программу ДАРЯ, поэтому и не были картографированы:

груд ‘костер’, ‘небольшой костёр’ [БОС; НОС; ПОС; СОС; СРНГ];

гриб, грибы ‘губа, губы’ [БОС; ССГ; СРНГ].

3-й пучок — псковско-новгородский — включает изоглоссы, объединяющие псковские и новгородские говоры, некоторые из них захватывают северную часть смоленских говоров:

ка́лика ‘брюква’ [ДАРЯ III, 1, карта 58; ДАБМ, карта 276];

позём ‘навоз’ [ДАРЯ III, 1, карта 54]. Оба слова сохраняются только в пассивном запасе (заметим, что даже в 50-е годы прошлого века, когда собирался материал для ДАРЯ, лексема *позём* фиксировалась наряду с лексемой *навоз*);

косовьё ‘рукоятка косы’ [ДАРЯ III, 1, карта 43; ДАБМ, карта 262];

бороновать ‘разрыхлять землю’ [ДАРЯ III, 1, карта 46], в новгородских говорах отмечены отдельные ареалы, изоглосса продолжается на восток в среднерусские говоры;

сикляхи, ссяхи и др. образования от корней *сик-*, *(с)сак* / *(с)сяк-* ‘муравьи (рыжие)’ [ДАРЯ III, 2, карта 76];

стрекáва, стрекíша ‘крапива’ [ЛАРНГ, карта 140];

упря́жка ‘период работы без перерыва’ [ДАРЯ III, 1, карта 53], а в современных говорах имеет значение ‘определенный промежуток времени’. Надо сказать, что ареал этой лексемы достаточно широк — на севере он захватывает говоры новгородской колонизации, а также тверские и калужские и некоторые говоры южного наречия.

Есть и другие лексические изоглоссы, объединяющие псковские и новгородские говоры, но они не включают невельские говоры (например, *жíто* ‘ячмень’, *прíвязь* ‘цепь’, *цепéц, кепéц* ‘бьющая часть цепа’ и др.).

4-й пучок — общепсковский, он связывает рассматриваемый идиом с основным массивом псковских говоров:

лён тя́гать ‘убирать лён с поля’ [ДАРЯ III, 1, карта 57; ДАБМ, карта 267];

сúпрядки ‘вечерние собрания молодежи’ [ДАРЯ III, 2, карта 93], есть фиксация и в смоленских говорах;

сто́йка, стоя́нка ‘малая укладка снопов’ [ДАРЯ III, 1, карта 50] — более узкий ареал;

ма́лец ‘мужчина’, в ряде говоров ‘неженатый мужчина’ [ПОС; ССГ; СРНГ]. В Программу ДАРЯ слово не вошло, ареал нуждается в уточнении.

5-й пучок — южнопсковские изоглоссы, которые также включают северную часть смоленских говоров:

весёлка [ДАРЯ III, 2, карта 89; ДАБМ, карта 312], сосуществует с номинацией *радуга*, захватывает часть смоленских говоров и продолжается в белорусских;

жбанок ‘посуда для молока, ниже, чем крынка’ [ДАРЯ III, 1, карта 24];

исподки ‘матерчатые или вязаные рукавицы с одним пальцем’ [ДАРЯ III, 1, карта 35; ДАБМ, карта 333];

колотуха и **солодуха** ‘каша из муки’ [ДАРЯ III, 1, карта 28]; в наших записях есть уточнение: *колотуха* — из гороховой муки, а *солодуха* — из овсяной. Они противопоставлены названиям с корнем *мук-* (*мучаха*, *мучанка*), распространенным в др. псковских говорах, *кулёш* — в смоленских и некоторых тверских;

печина ‘название участка земли, на котором находится дом с хозяйственными постройками’ [ДАРЯ III, 1, карта 1], подробнее см. [Мораховская 1996]; в наших материалах иное значение — ‘брошенный, сгоревший дом, развалины дома или место, где раньше был дом’;

обичайка ‘бьющая часть цепа’ [ДАРЯ III, 1, карта 41; ДАБМ, карта 258, абычóйка].

6-й пучок изоглосс объединяет южнопсковские, смоленские и западную часть брянских говоров («брянский угол»), все изоглоссы уходят в белорусские говоры:

дуже ‘очень’ [ДАРЯ III, 2, карта 99; ДАБМ 322], в других говорах южного наречия *дю́же*;

кут ‘угол, где висят иконы’ [ДАРЯ III, 1, карта 4];

лапина ‘заплата’ [ДАРЯ III, 1, карта 38; ДАБМ, карта 324]; в южнопсковских говорах, в смоленских и брянских говорах бытуют номинации *ла́пик*, *ла́пка*, все названия входят в ареал распространения дериватов от глагола *ла́пить* ‘ставить заплату’;

ля́да, **ляди́на** ‘росчисть под пашню или покос’ [ДАРЯ III, 2, карта 83; ДАБМ, карта 337];

стега́, **сте́жка** ‘тропинка’ [ДАРЯ III, 2, карта 79]; в других говорах южного наречия *сте́жка*;

ховать ‘прятать’ [ДАРЯ III, 2, карта 98].

В данный пучок мы включили лексемы, отсутствующие в Программе ДАРЯ, но приведенные в словарях рассматриваемой территории:

агрéст ‘крыжовник; ягоды крыжовника’ [БОС; ПОС; ССГ; СРНГ];

моги́лки ‘кладбище’ [БОС; ПОС; ССГ; СРНГ];

порéчка — общее название разных видов смородины, в невелиских говорах ‘красная смородина’ [БОС; ПОС; ССГ; СРНГ].

Таблица 2

<p>Южнопсковские говоры Западнодвинский р-н Тверской обл. Материалы экспедиции Р. В. Ронько со студентами ВШЭ. 2023 г.¹</p>	<p>Невельские говоры Невельский р-н Псковской обл. Материалы экспедиции И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой 2006 г.</p>
<p><i>Изба́, избо́ка</i> ‘крестьянская жилая постройка’ [ДАРЯ III, 1, карта 3]</p>	<p><i>Ха́та, хатё́на</i> ‘крестьянская жилая постройка’ Юго-западная диалектная зона</p>
<p><i>Жи́то</i> ‘ячмень’. [ДАРЯ III, 1, карта 53] Северо-западная диалектная зона</p>	<p><i>Жи́то</i> ‘рожь’ Юго-западная диалектная зона</p>
<p><i>При́вязь</i> ‘орудие для ручной молотьбы’ [ДАРЯ III, 1, карта 39] Псковская группа (западные среднерусские аккьющие говоры)</p>	<p><i>Цеп</i> ‘орудие для ручной молотьбы’ Южное наречие</p>
<p><i>Борка́н</i> ‘морковь’ [ДАРЯ III, 1, карта 59] Северо-западная диалектная зона</p>	<p><i>Мо́рква</i> ‘морковь’ Юго-западная диалектная зона</p>
<p><i>Кваши́ня, кваши́онка</i> ‘деревянная посуда для растворения теста’ [ДАРЯ III, 1, карта 23] Северное наречие и среднерусские говоры</p>	<p><i>Де́жка</i> ‘деревянная посуда для растворения теста’ Юго-западная диалектная зона В других говорах южного наречия — <i>дежа́</i></p>
<p><i>Сковоро́дник</i> ‘деревянная ручка для сковороды’ [ДАРЯ III, 1, карта 31]</p>	<p><i>Чапельни́к</i> ‘деревянная ручка у сковороды’ входит в ареал номинаций с корнем <i>чап-/чеп-</i> (<i>цап-/цеп-</i>). В смоленских говорах и брянском углу — <i>чепелá</i>, в большинстве южнорусских — <i>ча́пля</i>, в Калужской и Московской обл. — <i>ча́пельник</i>.</p>
<p><i>Пету́н</i> пассив. [ДАРЯ III, 1, карта 64] Северо-западная диалектная зона</p>	<p><i>Пету́х</i></p>
<p><i>Суя́ная</i> ‘об овце, носящей приплод’ [ДАРЯ III, 1, карта 67] Северо-западная диалектная зона</p>	<p><i>Сукóтая, сукóтная</i>, в др. говорах южного наречия — <i>кóтная, скóтная</i></p>
<p><i>Ухва́т</i> ‘приспособление для перемещения горячей посуды в печи’ [ДАРЯ III, 1, карта 30]</p>	<p><i>Ви́лки, ви́лы</i> — южнопсковские, смоленские говоры и брянский угол, в др. говорах южного наречия <i>рога́ч</i></p>
<p><i>Ли́ет</i> (о собаке) [ДАРЯ III, 1, карта 72]</p>	<p><i>Бре́шеть</i> Южное наречие</p>

¹ Расстояние между Невелем и Западной Двиной — 138 км.

Большинство из рассмотренных в перечисленных пучках лексем свойственно и говорам, описанным в [Ронько и др. 2024].

7-й пучок — юго-западный. Именно эти изоглоссы отделяют невельские говоры от других псковских и южнопсковских, что дало основание Захаровой и Орловой отнести их к Юго-западной диалектной зоне. Рассмотрим их в сравнении с материалами экспедиции Р. В. Ронько (см. Таблицу 2).

Таким образом, невельские говоры исторически восходят к псковским (ср. реликты системных архаизмов, а также лексику, связанную с Северо-западной и Северной диалектными зонами). В процессе развития они вобрали в себя черты окружающих идиомов — Юго-западной и Южной диалектных зон, в результате именно сочетание признаков разных диалектных образований составило их специфику. Это подсознательно ощущают и сами жители пограничья — носители говора, определяя особенности своей речи: «Большинство наших собеседников понимает при этом, что диалект, на котором они говорят, не является ни русским, ни белорусским языком — это скорее всего некое новое, третье образование, нечто промежуточное между русским и белорусским языками. Они уточняют, что это смешанный язык...» [Гетка 2012: 60]; см. [Рыко 2016].

Следует обратить внимание и на тот факт, что в структурно-типологической классификации Н. Н. Пшеничновой говоры Невельского района Псковской области обозначены как совокупность разнородных говоров Западнорусского диалектного типа, выделившаяся, в отличие от самого Западнорусского типа, лишь на четвертом уровне разбиения [ДАРЯ 3, карта III]. Их непохожесть на окружающие идиомы сказалась и в том, что они не принадлежат ни к Южнопсковскому, ни к Брянскому диалектным подтипам, на которые делится Западнорусский диалектный тип.

Лексика, записанная в деревнях Невельского района Псковской обл.

Жилище и приусадебное пространство

Дом, хата, хатёна ‘сруб, жилая постройка’, *дом* мог включать две *хаты* и *сени*; *сёни* ‘коридор между комнатами’; *дом-тристёнок* ‘постройка: к срубам пристраиваются еще три стены’; *хоромы* ‘большой дом’, *хорóминка* ‘родной дом’; *кут* ‘красный угол’; *набрáзник* ‘полотенце на икону’; *перебóрка* ‘перегородка в шкафу’; *ку́фня* ‘место для приготовления пищи’; *по́греб* ‘подпол (со входом из кухни)’; *лазёйка у кúхни* ‘вход в погреб’; *лену́шка* ‘ступенька-лежанка у печки’; *бура́к* ‘печка для отопления, без лежанки’; *гру́бка* ‘маленькая печка для обогрева, с трубой’; *капту́р* ‘верхняя часть печки над лежанкой, где дымоход’; *ко́жух* ‘футляр из жести для верхней части печи, где дымоход’; *зы́бка* ‘колыбель, подвешивается к потолку’; *зы́бить* ‘качать’: *зы́бали* ребенка; *лю́лька* ‘колыбель, стоит на ножках’ (как говорят, появилась позднее); *сели́ба, уса́дьба* ‘дом с хозяйственными постройками и участок при доме’; *печи́на* ‘брошенный дом, остатки дома, сгоревший дом’.

Помещение для содержания скота и др. хозяйственные постройки

Коту́х ‘кормушка для скота’; *ну́ня* ‘сарай для хозяйственного инвентаря и сена’; *ри́га* ‘место для сушки снопов’; *хлев* ‘отдельная постройка для скота либо пристройка при доме’, иногда *хлев* называют *скóтником*: *скóтник* и *хлев* одно и то же; *изгорóда* ‘забор’, *тын* ‘забор из жердей’.

Домашнее хозяйство

Вилы, вилки ‘приспособление для перемещения горячей посуды из печи’: *вилки бывáют навозные и печные*; *двойни́та* ‘сосуд из двух ёмкостей с общей ручкой’; *де́жка* ‘деревянная посуда для растворения теста’; *жбанóк* ‘глиняный сосуд для молока с широким горлом’; *зола́* ‘щёлок’: *в зо́лы* полоскали белье; *кри́нка (кры́нки)* ‘глиняный сосуд для молока с более узким горлом’; *корóмисел, корóмысел* ‘коромысло’; *кубланы́* ‘плетеная емкость для хранения продуктов’; *лубя́нка* ‘высокая корзина для лука из лозы (коры ивы)’; *пра́йник, пра́ник* ‘палка для выколачивания белья при стирке’; *рубíха* ‘палка для глажения белья’; *садóвник* ‘лопата, чтобы ставить хлеб в печь’; *туесóк* ‘емкость из бересты’; *самопрýха* ‘приспособление для ручного прядения’; *чапельни́к* ‘ручка для сковороды’; *костёр*

‘поленница дров’; *груд* ‘костёр’; *копань*, *копанка* ‘яма с водой, пруд’; *сажалка* ‘яма с водой, естественная или выкопанная’; *крьіги*, *крііги* ‘рыболовная снасть из жерди с привязанной к ней сеткой для ловли рыбы вдвоем’; *но́рот* ‘рыболовная снасть на каркасе из прутьев’.

Сельскохозяйственная лексика

Борновать, *борну́ет* ‘бороновать’; *ба́бка*, *стоянка* ‘малая укладка снопов’; *во́уна* (устар.) ‘шерсть овцы’; *деті́ниха* ‘курица, которая водит цыплят’; *квохту́ха*, *кво́чка кво́хчет* ‘курица, сидящая на яйцах’; *колба́* ‘улей’; *корого́д* ‘несколько рядом стоящих *бабок*’; *жі́то* ‘рожь’; *косові́льна* ‘ручка косы, косовище’; *кулі́* ‘большие снопы’, ими крыли крышу; *лугі́*, *лу́ги* ‘луга в пойме реки, где косят траву’; *навóz*, *по́зём* ‘навоз’; *ні́ва* ‘поле’; *огуре́шник* ‘ботва огурцов’; *о́зимь* ‘всходы озимых культур’; *одо́нок* ‘стог сена’; *ора́ть* (у старшего поколения) ‘пахать’: *на ко́нях ора́ли плу́ом*, *орёт паласу́*; *па́лец* ‘маленькая деревянная ручка на косовище’; *островкі́*, *остро́вья* ‘жердина с сучками для сушки снопов’; *пасть* ‘пасти’; *паха́ть*¹ ‘возделывать рожь’: *рожь паха́ть*, *паха́ть*² (у старшего поколения) ‘мести пол’: *спахні́ пы́ль* ‘сотри пы́ль’; *пету́х*; *по́жня* ‘ровное место, где косят траву’; *помёт* ‘место, где несколько лет не пахано, не кошено’; *сбо́йня* ‘жмых’; *сукота́я*, *сукотна́я* ‘об овце, носящей приплод’; *ті́на* ‘ботва’; *тяга́ть лён* ‘процесс ручной уборки льна’; *хря́па* ‘рубленая трава для скота’; *цеп* ‘орудие для ручной молотбы’.

Лексика природы

Водні́ ‘оводы’; *батья́н* ‘аист’; *дика́рь* ‘дикое место’; *живі́ца* ‘смола’; *язю́ля* ‘небольшая сизая птица, похожая на голубя’; *мура́шки* ‘черные муравьи’; *ра́дуга*, *весё́лка* (было раньше) ‘радуга’; *при́род* ‘природа’; *разво́дье* ‘половодье’; *пчела́*, *пчели́на* ‘пчела’; *сикля́шки*, *сикля́хи* ‘рыжие муравьи’; *стегá*, *сте́жка* ‘тропка, тропинка’; *хма́ра* ‘пасмурная погода’; *слепні́* ‘кровососущие насекомые’.

Растения

Агрéст ‘крыжовник’; *бога́тки* ‘полевое мелкоцветное растение (какое?)’; *брусні́ка*, *брусні́ца* ‘брусника’; *бура́к* ‘свекла’; *ве́рес* ‘можжевельник’; *дед*, *деды́*, *дедо́вник* ‘чертополох’; *гу́ба*, *гу́бы*, *гу́бина* ‘грибной нарост на стволе дерева’; *жураві́ль*, *жураві́на* ‘клюква’; *ка́лика* ‘брюква’; *карто́шка* ‘картофель’; *козлякі́* ‘трубчатые грибы’; *лоза́* ‘кора ивы’; *мо́рква* ‘морковь’; *оба́бки* ‘подберезовики’, ‘опята’; *огуркі́* ‘огурцы’; *ольха́*; *подберёзовик*; *порéчка* ‘смородина, красная и белая’; *пьяні́ка*,

пьяніца ‘голубика’; *стрэка́ва*, *стрекі́ша* ‘крапива’; *твѣ́т*, *твѣя́ты* ‘цветы’; *хмы́зник* ‘кустарник, заросли кустарника’; *черні́ка*, *черні́ца* ‘черника’.

Пища

Ботві́нья, *свеко́льник*, *холо́дник* ‘жидкое холодное кушанье-суп из свеклы’; *вечеря́ть* ‘ужинать’; *жури́ха* ‘жидкий кисель из муки или овсяных хлопьев’; *кисе́ль* ‘студенистое блюдо из крахмала и зерновых культур, с добавлением молока или ягод, обычно использовалось как поминальное’; *зако́лотка* ‘закваска из муки для супа из свеклы’; *колоту́ха* ‘каша из муки, чаще гороховой’; *комы́* ‘кушанье из муки с салом внутри, иногда добавляли тертый картофель, часто использовалось на поминках, на *со́роки*’; *кутья́*, *куття́* ‘поминальное блюдо из цельных зерен пшеницы с медом’; *лу́стка*, *лу́точка* ‘кусочек хлеба, пирога’; *па́ска* ‘пирог в виде кулича’ (пекут на Пасху); *по́ливка* ‘жидкая, кислая ржаная похлебка на закваске’ (может быть мясной или постной, в мясную обычно кладут требуху); *посмя́тина* ‘отходы от сбитого масла’; *раси́на* ‘закваска для хлеба’; *со́чэнь* ‘лепешка’; *снё́тать* ‘обедать’; *солоду́ха* ‘каша из овсяной муки (не кислая)’; *сыр* ‘творог’; *сы́рница* ‘запеканка из творога’; *сыро́кваша* ‘простокваша’; *тю́ря* ‘жидкое кушанье типа окрошки’.

Одежда и обувь

Ва́ленцы ‘валенки, валеная обувь’; *испо́дки* ‘матерчатые или вязаные рукавицы с одним пальцем’; *ла́пина* ‘заплата’, *ла́пить* ‘ставить заплату’; *пори́ні*, в *пори́нях* ‘кожаная обувь’; *чу́ни*, в *чуня́х* ‘обувь, которую плели из лозы (коры ивы) или льняных ниток’; *тужу́рка* ‘укороченная мужская одежда’; *талму́ты* ‘вещи’.

Человек, семья

Брате́йник ‘двоюродный брат’; *ба́тька* ‘отец’; *вздо́лить* ‘преодолеть что-либо’, *не вздо́лишь* ‘не сможешь’; *воёни́шина* собир. ‘всё, что связано с военным производством и армией’: *ана́ рабо́тала на ваё́нишыни*; *грибы́* ‘губы’, *гриба́тенький* ‘губастый’; *гу́торка* ‘манера себя вести (норов, характер)’: *гу́торка у нее зазна́иста*, *гу́торку иметь к лю́дям* ‘уметь сердечно поговорить’; *забо́чий* ‘заботливый’; *изба́ч* ‘завклубом’; *кила́* ‘мужские тестикулы’; *клу́ша* ‘нерадивая женщина’; *лентея́* ‘танец’; *ма́льцы* ‘мужчины любого возраста’; *моги́лки* ‘кладбище’; *оха́лить* ‘отругать’; *пёселя́ница* ‘женщина, умеющая хорошо петь’, *пёсни игра́ют* ‘поют песни’, *с песняко́м е́де* ‘с песнями едут’; *прима́к* муж, пришедший жить в

дом жены'; *пѣстка* 'горсть'; *разженіха* 'человек, который развелся'; *разведѣнка* 'разведенная женщина'; *свѣтливый* 'свойский'; *сеструшка* 'двоюродная сестра'; *тікать* 'произносить частицу *ти*'; *не чула* 'не слышала'; *упряжка* 'период работы без перерыва, промежутки времени'; *хворс*, *форс* 'форс', *хворсіть* 'хорошо одеваться'; *ямники* 'мужики, которые дезертировали или прятались от мобилизации'.

Наречия

Взади 'следом'; *дѹже*, *дѹже* 'очень'; *лѣтось* 'прошлым летом'; *напрямкі* 'напрямую'; *потом(ъ)ка* 'потом'; *тады* 'тогда'; *там(ъ)ка* 'там'; *тѹхы* 'немного'; *тѹт(ъ)ка* 'тут'; *сюды* 'сюда'; *до черта* 'много'.

Междометие

Рѣтуньки 'караул, тревога'.

Ударение в различных формах⁸

Бѣгли, *беглі*, *побѣгли*; *брала*, *забрала*; *были*, *былі*, *не было*; *голосят*, *голосоит*; *жила*, *жилá*, *жили*, *жили́*, *нажила* (ребят), *прожила́*, *прожили́*; *крáла*, *накрадем*; *лѹжится* 'несется (о курице)', *положила*; *напудрица* 'напудриться'; *осталáся*; *покрыишиь* 'покрошишь'; *посмотрім*; *становят*; *тkáла*; *не терпíтся*; *умерла*, *умерла́*, *умѣр*; *удил* 'удил'.

Браты́; *под боко́м*; *воду́*; *на горóу*; *горо́ды*; *до́мы*, *домо́ы*; *дочка́*, *дочкóу*; *в/на землѹ*; *зимóу*, *под зимóу*; *зубы́*; *на коню́*, *на ко́нях*; *корне́м*, *без/до корня́*, *корни́*; *коро́мысел*; *лѹги*, *луги́*; *нико́го*, *ничо́го*; *за ногу́*; *под носóм*; *нет обозóу* (обоз); *перядóм*; *под полóм*; *на/у по́лях*; *в пори́нях*; *ро́ги*; *скóту* *получáли*; *по снягóу*; *твѣятóм* (цветком); *с то́го* (болота); *в хлевé*, *с хлевóв*; *чо́снок* 'чеснок'; *в चु́нях*; *по шляхóу*.

Превосходная степень используется в качестве сравнительной: *налива́й теплѣ́йший чай* — потеплее чай; *тkáли молодѣ́йшие* — те, кто моложе.

Паремнологический материал

Не ра́дуйся чужóму горю́ — своё́ рядом.

Пскови́цяне те́ же англи́цяне, то́лько наре́ция друго́е.

На своё́м пепелі́ще и ку́рица разóмна.

Дом на разбѣ́г коню́ — очень большой.

⁸ Сбор акцентологического материала не входил в цели экспедиции; приведены формы, отличающиеся ударением от литературных.

Костёр горіть — керосін ня ліць.
Солóму ешь, а хвасóн держі.
Ни сци ни грамма! — не бойся, не волнуйся.
Два друга — метель да вьюга — друзья не разлей вода.
Холэра тебя задері!
Как я тебя люблю — как собáка пáлку.

Праздники

Бéлый понеде́льник — первый понедельник после Троицы, 51-й день после Пасхи — день св. Духа;

Ма́лая Богороди́ца — 21 сентября⁹, Рождество Пресвятой Богородицы;

Цветно́й Ива́н — 7 июля, Рождество Иоанна Предтечи, народный праздник Ивана Купалы, *зага́дки* — обычай загадывать желание перед днем Цветного Ивана;

Петро́ — 12 июля, день св. апостолов Петра и Павла;

Хведо́сий, Федо́сий — 15 сентября, день памяти преп. Феодосия Печерского;

Миха́йла — 21 ноября, день св. архангела Михаила;

Макаве́й кочешо́к завéй — 14 августа, день памяти семи св. мучеников Маккавейских;

Га́нны — 7 августа, день Успения праведной Анны, матери Богородицы;

Его́рий — 6 мая, народное название праздника в честь вмч. Георгия Победоносца; на Егория скот перед первым выпасом обносили иконой, выгоняли его с вербой, пастух или кто-то другой трижды стрелял из ружья;

Со́роки, на Со́роки — 22 марта, день памяти Сорока мучеников севастийских; в этот день, по народному календарю, зима кончается — весна начинается, праздник прилета птиц, пекли обрядовое печенье;

Осе́нние роді́тели — Димитриевская суббота, день всеобщего поминовения усопших, родительская суббота, отмечается перед днем памяти св. Димитрия Солунского, 8 ноября.

На все праздники собирали складчину и гуляли деревней: *гу́ли* 'гулянка'; *бры́ксы, бри́ксы* 'гуляния вскладчину'.

⁹ Даты даются по новому стилю.

Обряды и обычаи

боярки ‘подружки невесты’;
богáтки и деды́ – растения, которые засушивали и использовали в виде оберега, через год сжигали, их дымом окуривали покойников;
взять лук с трёх рук – взять лук для посадки у трех человек, чтобы он лучше уродился;
голóсит по покóйнику, голóсит, голóсят ‘обрядовый плач’;
дéлать ‘применять магические знания, колдовство’, *отдéлать* ‘избавлять от болезни, которую наслал колдун’;
залóm ‘способ вредоносной магии – скручивание пучка ржи’, по поверью, если женщина сожнет такой пучок, то может умереть;
кратíва служила оберегом, ее вешали над дверью и над окнами;
мак тоже был оберегом, на Ивана Цветного обходили дом и др. постройки, посыпая мак;
навóзная толока́ ‘коллективная помощь по вывозу на поле навоза’;
недóбрики, нечíстики ‘бесы, потусторонние злые силы, черти, обитающие в том числе и в бане’;
отпρά́вки ‘проводы в армию’;
пожéнки ‘конец жатвы, праздник по этому поводу’;
сúпрядки ‘собрания девушек, раньше с работой’.

Образцы текста (мифологические рассказы)

Информантка — **Тищенко Екатерина Яковлевна**, 1923 г. рождения, имеющая 7 классов образования, д. Лобок Невельского района Псковской области (см. подробнее [Букринская, Кармакова 2018]). Текст дается в орфографической записи с сохранением грамматических особенностей и отдельных фонетических черт.

О нечистой силе

Нячисти́ки, оны́ живу́ть у ба́не. Ну, я ходи́ла мы́ться, по́здно ходи́ла, не бо́ялась, а та́к, чтоб ночува́ть у ба́ню... И сею́дня бою́сь, были́ и ра́ньше — предава́лись¹⁰, но ра́ньше было́ мно́го колдуно́в, поéтому так и предава́лося. И оно́ и тепе́рь до черта́. Тепе́рь накупля́ли кних — че́рная ма́уия — и поуáняют, не колду́ють, а поуáняют. Одна́ сколдова́ла своему́ мужику́ — хоте́ла приворожи́ть, чтоб он ей не изменя́ю, а ёто усе́

¹⁰ Передавали магические знания другому человеку.

повярнулось, да на её. И она стала умирать, тады поехала к бабкам просить, чтоб ей это отделили¹¹. Есть такая бабка у Белору́ссии. Она уговорить: «уговори пра́вду, иначе я тебя лячить ня буду. Ты что-то делала¹²?» Тады она призналась: «А я купила кни́гу эту, вычитала, а мужик у море ходи́у, дык я, чтоб не изменяю́ ён мне, хоте́ла яго приворожи́ть». Она уговорить: «А это привороже́ние яви́лось на тебе на саму́». Ни одно́ зло зря не проходи́ть.

Залом

Мой свёкор, он уме́р в три́дцать шасты́м году́, и он плохое не де́лау, но зна́у¹³, а жёщины там ра́ньше у ржи́ зала́мывали зало́мы. Вот таке́й зало́м зало́мать. Если этот зало́м зажнёшь рукой, то тебя усю́ вот так покаля́паешь¹⁴... руку зала́мывает. И она дожа́лась, ёта Ермола́евна, и уговори́ть: «Кондра́ш, у нашем жи́те зало́м зало́мен!» — «Ня тро́нь, я сейча́с возьму́. Прибеу́ить та́я уа́дина, которая ёта сде́лала».

Он принёс зало́м и у трубу́, русская́ печ, труба́, и он откры́у́ эту выо́шку и у трубу́ уложи́у, а ра́ньше пе́чки топи́ли-то ка́ждый день. Зало́м ста́у со́хнута, ёта сме́рти... приба́уаить сын: «Кондра́ш Корне́ев! Будь до́брый, дай воды́ — ма́тка умира́ить!» Он уговори́ть: «Пусть умира́ить, не да́м воды́. Бо́льше уа́дости нам де́лать ня бу́дете, она́ зало́м мне зало́мила. Не да́м, иди́ домо́й!» Не да́у. Побёх, а там она́ умерла́, ёсли бы ён не вб́няу́ это́т... зало́м бы засо́х, и она́ ко́нчылась. Приба́уае́ть дру́е́й раз: «Будь до́брый (на коле́нки вста́у), умоля́ю, дай воды́!» — «Ну, иди́, скажи́ ей, чтоб бо́льше это́у не де́лала». Он воду́ дава́ть не ста́у, а зало́м с трубы́ в́нуу́. Ина́ вста́ла и пошла́. Вот таке́и бы́ли колдуны́.

А ра́ньше, это́, зало́моу́ неисчисли́мо бы́ло. А хто́ не зна́у, сожне́ть и, зна́чить, вот та́к все ру́ки покаля́пають. Вот это́ колдуны́ бы́ли.

Обереги

Крапи́ву ве́шали — это́ от колдуно́в, на́до бы́ло у ка́ждое вокно́, у ка́ждую дверь. И на́до бы́ло мак, обяза́тельно, и три́ разы́ обойти́ кру́о́м пострóйки и посы́пать яго́, но нямно́уо и приу́ова́ривают: «Ведьма́к, иди́ подби́рай мак!» Потому́ что он мак ника́к не подберё́ть. Да, это́ бы́ло. Тепе́рь усё забы́ли, тепе́рь нече́уо кулдува́ть, ни хозяйства́, ниче́уо нет

¹¹ Избавили от болезни.

¹² Применяла магические знания, колдовство.

¹³ Обладал магическими знаниями.

¹⁴ Покалечит.

и кулдува́ть. Да́же к ба́бум ходи́ли, и о́ни уо́вори́ли: «Обя́зательно перед Ива́ном обойди́те пострóйку и посы́пайте мак и уо́вори́те: “Ничеу́о не подберё́ть, ничеу́о не сде́лает!”»

Источники

- БОС — Брянский областной словарь / авт.-сост. Гарбузова Е. П. и др. Брянск, 2011. 2-е изд.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск, 1963.
- ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. М., 1986. Вып. I. Фонетика. Карты.
- ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. М., 1989. Вып. II. Морфология. Карты.
- ДАРЯ III, 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. М., 1997. Вып. III, ч. 1. Лексика. Карты.
- ДАРЯ III, 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. М., 2004. Вып. III, ч. 2. Синтаксис. Лексика. Карты.
- ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. М.; СПб., 2017. Т. 1. Растительный мир.
- НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Б. А. Ларин и др. Л., СПб., 1967–2024. Вып. 1–29.
- СОС — Селигер: материалы по русской диалектологии. Словарь / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 2003–2020. Вып. 1–8.
- ССГ — Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–52. М.; Л., СПб., 1965–2021.

Литература

- Абраменко и др. 2013 — О. А. Абраменко, С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая. Системы соотношения *gen* и *dat.-loc.* в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект // Исследования по славянской диалектологии. М., 2013. Вып. 16. С. 63–165.
- Белорусско-русское пограничье 2005 — Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование / отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. М., 2005.
- Большакова 2017а — Н. В. Большакова. Сопоставительный диалектный словарь псковско-белорусского пограничья // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2017. № 3 (11). [Электронный

- ресурсы] URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1086522> (дата обращения: 11.05.2025).
- Большакова 20176 — *Н. В. Большакова*. Словарь псковско-белорусского пограничья. Проект. Псков, 2017.
- Бузык 1926 — *П. А. Бузык*. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Менск, 1926.
- Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова*. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. Вып. 13. С. 118–179.
- Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова*. Изоглоссы псковско-витебского пограничья // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода I вып. «Псковского областного словаря с историческими данными»). Псков, 2017. С. 40–57.
- Букринская, Кармакова 2018 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова*. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной деревне // Исследования по славянской диалектологии. М., 2018. Вып. 19–20. С. 95–107.
- Букринская, Кармакова 2020 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова*. Образец говора белорусско-русского пограничья: мужская речь // Исследования по славянской диалектологии. М., 2020. Вып. 21–22. С. 127–138.
- Галинская 2021 — *Е. А. Галинская*. Некоторые аспекты эволюции новгородского диалекта с конца XVI до середины XX в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 206–218.
- Гетка 2012 — *Й. Гетка*. «Каждому народу свой язык хорош», или об отношении к своему идиому жителей белорусско-российского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. М., 2012. Вып. 15. С. 56–71.
- Глускина 1962 — *С. М. Глускина*. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 28–57.
- Глускина 1979 — *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над псковскими говорами (смягченные и несмягченные согласные в исторических чередованиях) // Псковские говоры. II, 1979. С. 113–125.
- Захарова, Орлова 1964 — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русско-го языка // Русская диалектология. М., 1964. С. 227–297.
- Захарова, Орлова 1970 — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русско-го языка. М., 1970.
- Зорин 1927 — *Н. И. Зорин*. Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектными особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения // Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения. Псков, 1927. Вып. 3. С. 33–64.
- Карский 1908 — *Е. Ф. Карский*. Белорусы. Варшава, 1908. Т. 2: Язык белорусского племени.
- Мораховская 1996 — *О. Н. Мораховская*. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М., 1996.

- Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–225.
- Пшеничникова 1996 — Н. Н. Пшеничникова. Типология русских говоров. М., 1996.
- Ронько и др. 2024 — Р. В. Ронько, А. Д. Анисимов, Е. А. Заливина, С. А. Землянская. Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора // Вопросы языкознания. 2024. № 3. С. 27–44.
- Рыко 2016 — А. И. Рыко. О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области) // Севернорусские говоры. СПб., 2016. Вып. 15. С. 71–88.
- Рыко 2017 — А. И. Рыко. Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2017. С. 453–497.
- Рыко 2018 — А. И. Рыко. Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области // Slověne. 2018. Т. 7, № 2. С. 303–320.
- Соколов 1919 — Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1919. Вып. 8. С. 1–12.
- Янковяк 2015 — М. Янковяк. Говоры Себежского и Невельского районов Псковской области как пример белорусско-русских переходных (смешанных) диалектов // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Тезисы докладов Международной научной конференции. М., 2015. С. 224–226.
- Тер-Аванесова 1998 — А. В. Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *a*-склонения // Восточнославянские изоглоссы. М., 1998. Вып. 2. С. 170–195.
- Тер-Аванесова 2002 — А. В. Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. Вып. 8. С. 168–209.
- Трубачев 2002 — О. Н. Трубачев. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002. Вып. I (VII). К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. С. 5–25.

Summary

*Irina A. Bukrinskaya,
Olga Ye. Karmakova*

**The Russian-Belarusian borderland:
the history of study and lexical originality**

The article is devoted to the history of the Pskov-Vitebsk border region, it compares the studies of E. F. Karsky, N. N. Sokolov, P. A. Buzuk, N. I. Zorin with the data of modern expeditions, and also compares various classifications of Russian dialects. The authors describe in detail the dialects of the Nevelsky district of the Pskov region, based on their own materials collected in the field in 2006.. The paper concludes that the dialects in question historically date back to Pskov: they preserve relics of systemic archaisms, as well as vocabulary associated with the Northwestern and Northern dialect zones. In the process of development, they absorbed the features of the surrounding idioms, as a result, it was the combination of features of different dialect formations that made up their specifics.

Keywords: Russian-Belarusian borderland, lexical isoglosses, dialect division, systemic archaisms, Pskov dialects.